

Юрий Владимирович Прыгов родился в 1949 году в Ярославле. Окончил Воронежский государственный университет. Около 40 лет проработал в редакциях газет Орловской области, Краснодарского края, Чукотки, Магадана и Благовещенска. Увлекается литературным творчеством. Публиковался в журналах «Подъём», «Аврора», «Север», альманахе «На Севере Дальнем». Автор книг «Японка», «По следу Авроры» и др. Член Союза журналистов России. Живет в Санкт-Петербурге.

Юрий Прыгов

СЕЛЬСКИЙ РОДНИК

Рассказы

Леденцы были страшно вкусные... Облизываясь, Юрка вытер с грязных щек слезы, сплюнул махорку, облепившую леденцы.

— Ну, слава Богу, живой и невредимый, — облегченно выдохнул дед Кузьма.

А струхнуть старому было отчего: за был дед про четырехлетнего внука Юрку в суете дел.

...Хряку Борьке наступило время делиться с людьми салом и мясом. Связанный, лежал он на снегу и нервно шевелил красным пяточком. Скотина ведь тоже чувствует свой конец. Кузьма и сосед дядя Леня долго вошкалились с тучным поросенком, погружая его на сани. Мерин тревожно поглядывал на эту возню и тоже нервничал — стучал копытом по насту, похрипывал влажными ноздрями. Внуку смотреть на это было страшно интересно — подобные события случаются, чай, не каждый день. Бывает, зиму напролет домочадцы не кажут нос за порог, разве что в погреб сбегают да в сельмаг сходят. Корова Цыганка задумчиво жует в своем сухом и пахучем стойле, шевелятся на насесте куры, хрюкают в хлеву поросята. И даже пес не расстается с будкой. Одна бабушка Паша мечется между ними: кому сенца и соломки, кому вареной картошки...

— Ба, а ба-а, когда доить Цыганку пойдем? — кричит с теплой печи внук и

нашаривает руками алюминиевую кружку. Держит он ее при себе. Так спокойнее. Как только бабушка загремит в сенцах ведром или зайдет в светлицу за марлей, пацан пулей несется на скотный двор. Пока Параскева приладится под выменем, пока сцедит молоко, Юрка истопчет себе все ноги, дожидаясь финала дойки. Любит малец запах парного молока больше всего и эту расчудесную процедуру, когда из крутобокой Цыганки под умелыми пальцами бабушки прыскает в подойник белая струйка. Одна за другой, под музыкальный звук потревоженного ведра. Даже дедушкина работа в амбаре не так интересна, как таинство дойки.

Кузьма, сухой и жилистый дед, зимой валяет для всей родни валенки. Весь в пару и жару, с диковинными приспособлениями и деревянными колодками, Кузьма Егоров со стороны похож на укротителя адской паровой машины. Справлял он валенки и внуку — самые маленькие. Две недели тот будет растаптывать, натрет мозолей, но так и не полюбит эту самодельную обувь. Другое дело — дойка и кружка парного пенистого молока, бабушкин ласковый голос, запах лета в сенной охапке...

Отправка Борьки на убой — это особая статья, по деревенским меркам почти ритуал с подводами, застланными соломой, резвыми рысакими и скрипом серебристых от трения о снег полозьями. Щекастый Юрка важно посидел в санях, потрогал вожжи — все ему интересно: от сыромятного хомута до уздечки. Еще больше занимал его воображение мерин в яблоках с красивой гривой и могучим хвостом. Осмотрев его с боков, карапуз с восторгом уставился в огромные лошадиные глаза. Было ощущение, что он нырнул в мутный и зеленый Костомаровский пруд, заброшенный и страшноватый. У Цыганки глаза тоже были немаленькие, но они не вселяли тревогу и не будили фантазию. Конь — другое дело. Он как бы излучал потаенную силу, непредсказуемость и готовность взбрыкнуться. Но взбрыкнулся, к несчастью для мальчишки, обреченный Борька.

Когда мужики его затаскивали в сани, хряк так рывкнул, что закачались низко свисающие провода. У Юрки же закачалось небо, и из-под ног ушла земля. Конь испугался, рванул вперед и сбил по пути маленького человечка. Подвода с Борькой проехала по инерции метров тридцать и остановилась. К распластанному на снегу внуку подскочил испуганный дед с потерянным лицом. Он был готов от отчаяния взвыть на всю Октябрьскую округу, но взвыл вперед Юрка. Сначала пострадавший пошевелил руками, потом ногами, открыл глаза и завопил от страха и боли. Кузьма от радости аж перекрестился. Мерин хоть и сбил Юрку, но наступить по лошадиным законам не смог. А санки — да, зацепили малость. Но что такое легкие деревенские розвальни? Они не причинили никаких увечий маленькому зевাকে, вот только нос раскровянило при падении да страха набралось полные штаны. Однако Кузьмовские леденцы сработали лучше всяких успокоительных средств.

Тотчас на пороге избы появилась переполошившаяся Параскева. Всплеснув руками, запричитала и поспешила на звук Юркиного ора.

— Антихристы, анчутки, мой внучек, — кого-то незримого ругала она, заключив уже оклемавшегося мальчугана в свои теплые и ласковые руки. Юрка знал, что старики его очень любят. Правда, словами, как простые крестьянские люди, они это выразить не могли, а тут некоторые необычные для них выражения откуда-то появились. Внук быстро забыл пережитый страх и как в тепле купался в волнах повышенного заботливого внимания.

— До свадьбы заживет, — поддержал общий настрой немногословный

и бровастый дядя Ляня и похлопал по плечу главного героя дна. Эта фраза на всю жизнь врезалась в память мальчишки. Особенно дразнило неясностью слово «свадьба». Он только чуть-чуть догадывался: речь шла о двоих с разной одеждой. Вот, например, соседская Лариска, могла бы она поучаствовать в подобной свадьбе? Друг она хороший, даже не побоялась раскурить с ним самокрутку на печке. Однажды они отправились «в дальние страны», то бишь ушли далеко в поле к одиноко стоящей риге, где обосновались грозные ястребы. Стервятников парочка не обнаружила, но страху натерпелась... Ну и пусть у нее все лицо в конопушках, сильно вздернутый носик, пусть она часто падала, так как наступала на длинный подол длинного пальто. Все равно это был надежный товарищ, который вряд ли имел отношение к свадьбе. И потом, почему до нее еще надо дожить? Непонятно.

Подчиняясь общему строю немногословной деревенской жизни, внук редко обращался к взрослым с вопросами. Самыми лучшими людьми на земле для него были молчаливый Кузьма, мудрая Паша. Мама при рождении четырехкилограммового первенца болела, а спустя четыре года у нее отнялись ноги. Малыша отправили в соседнюю Липецкую область в деревню с красивым названием Красное, что под Ельцом. Тут и произошла вся его человеческая закваска — на добрых бабушкиных дрожжах. Это было последнее поколение настоящих русских крестьян, про которых еще писал А.С. Пушкин: «Им квас как воздух был потребен...» Люди чаще безграмотные, они, как ни странно, обладали почти аристократическим тактом, терпимостью и прочими добродетелями, коих не наблюдалось у «грамотеев». А доброта прямо-таки струилась из их живых глаз, беды окружающих становились их бедами. Повзрослев, Юрка всегда помнил тепло этих рук, но тогда, в случае с Борякой, он получил полный спектр любви дедов.

...Параскева метнулась в погреб за любимой внуковой сметаной. Случалось, карапуз самостийно забирался в недра совершенного крестьянского сооружения, где орудовал ложкой почти в крошечной мгле. Тут же по волшебству сама сметана притекла из-под земли.

— Роскошествуешь, мяу, смотри не облопайся, — завидовал ему другой любитель внимания — кот Васька, ходивший вокруг стола кругами. К сметане тот также неровно дышал. Но, видимо, кто не рискует — сметану не ест. А дополнили именины Юркиного желудка соседи и родня. Они часто приходили к Клыковым, хлебосольным и открытым людям. Обязательно крестились на образа. Так как под ними сидел внук с крынкой сметаны, то со стороны на этот раз выглядело так, что гости молятся на ребенка, как бы на крестьянского божка. Малец и этот ритуал воспринимал как должное. Обедню ему испортила немая Поля, которая радостно мычала и сыпала междометиями. Младшая дедова сестра пугала не только Юрку, но и взрослых, хотя это был добрейшей души человек. Когда же ты мал, поди разберись в поведении немного, мычащего человека.

— Где же твои мать с отцом? — частенько задавала вопрос пытливая тетка Зина, которая заглядывала к родителям похлевать отчих щей.

— Там! — махал в неопределенном направлении племянник. Почесав затылок, добавлял: — На станции.

Тема разговора ему не очень нравилась. В родительском доме жизнь текла скучновато, по-казенному, а тут — совсем другие пироги. Около бабушкиного бочка было теплее и вкуснее. А главное — свобода, ее ни за какие леденцы не променяешь. Разгуляться в главковском подворье есть

где, чай, целое государство. Большой сад плавно переходил в лесок. Заросли представлялись в детском воображении страшным лесом, где свирепствовала грозная овчарка тетки Дуси. Собака была большая, как теленок, и когда пес гавкал, у Юрки и его сопливого друга Рубля тряслись поджилки.

Но «сахарный аркад» являлся редким сортом яблок в Красном. Хочешь отведать медового яблочка, пожалуйста, рискуй. Успех предприятия решали смелость и длина цепи овчарки. С первым у «налетчиков» образовался явный дефицит. Рубль грозился порешить грозного сторожа отцовским «шмайсером», принесенным с войны, но кто ему, молокососу, это серьезное оружие даст.

Как надоест бродить по лесу и соседским садам, Юрка шел на скотный двор. Там мир также был расколот на друзей и врагов. Особенно боялся он козла Тимофея. Однажды тот так лихо боднул пацана, что из глаз посыпались натуральные искры. Как малец после удара перемахнул плетень, никто потом объяснить не мог. А вот другие обитатели этого царства запахов, навоза и звуков радостно приветствовали частого посетителя веселым гомоном и вилянием хвостов. Не всегда, но кусочек хлеба мог обломиться счастливчику.

Или вот уголочек по имени «каменка»... Сегодня я бы сказал о ней так: нечто мистическое и средневековое. Дверь в нее держалась на одной петле, темноту помещения из каменной известняка распарывали лишь маленькие лучики солнца, проникавшие через дырявую крышу. Старинная прадедовская кровать с высокими спинками в темноте напоминала готический храм. Наверху висели пучки разных пахучих трав, коими бабушка лечила хвори. В углу притаилась вся в паутине с резным колесом прялка. Сюда, в мир теней и забытых вещей, внук иногда приходил ночевать сначала с дедом Егором, а когда подрос, так и один. И редкая ночевка обходилась без приключений. Как-то под сводами каменки поселилась летучая мышь. В полночь она расшалилась и очень испугала проснувшегося искателя острых ощущений шумом своих крыл. Долго, очень долго он не заходил сюда.

За эти многочисленные тайны и испуги Юрка любил клыковский крестьянский мир, через него делал открытие за открытием. Что есть жизнь, смерть, почему людей после нее уносят на погост, а потом, наплакавшись, едят сладкую кутью на поминках. Смесь страха и дразнящей неизвестности прямо-таки распирала клыковского внука. Этот ядреный коктейль чувств привел пацана на кладбище. Формальный повод для него и друга Женьки Сапрыкина был прост — вкусные, спелые ягоды погостовской клубники. Вся деревенская мелюзга ими здесь лакомилась, хотя каждого мучили неясные беспокойства: ягоды потому такие крупные, что земля вокруг удобрена. Чем или кем? Об этом думать не хотелось. Страшно! Ягоды же есть было не страшно. В том числе и Юрке. Увлექшись, он двинулся от одного травяного холмика к другому. Клубника попадалась отборная, поэтому не разглядеть было ямы, густо заросшей бурьяном. Видимо, тут когда-то давно вырыли могилу, но потом почему-то о ней забыли. А может быть, нашли место получше. В эту страшную бездну и свалился наш герой своей «тихой охоты», причем с набитым ртом и широко раскрытыми от страха глазами. Падение заняло доли секунды, но мальчишке они показались вечностью. Ему даже померещились покойники, вылезшие из могил посмотреть на его полет. Они вроде как бы уцепились за кресты и даже принялись их раскачивать из стороны в сторо-

ну. В глубине еще неокрепших детских легких родился мощный животный крик, который пронесся над памятниками и спугнул все местное воронье. Женьку от нечеловеческого вопля как ветром сдуло, да и сам автор его мигом выскочил из ямы, быстро пересек погост и бросился наутек. Остановился лишь у знакомого дома с резными наличниками. Сердце бешено колотилось, никак не проходила икота от застрявших в горле ягод, тряслись руки. С тех пор он разлюбил клубнику навек: домашнюю, лесную, не говоря о погостовской. Вся она с тех пор имела для него кладбищенский привкус и отдавала страхом и кошмаром. Еще позже парень извлек еще более мудрую соль из происшествия — не соблазняясь бездумно яркими плодами, не зная поля, на котором они поспели.

Окрепнув, Юрка весь «пророс» клыковскими истинами. Лучшим меню для него стали бабушкина окрошка с белым квасом, пшенная каша, томленная в русской печке, щи. В одежде полюбил простоту и натуральность ткани, в отношениях — такт и уважение вне званий и доходов. Главное же приобретение краснинского детства — ощущение внутренней свободы. «Крестьянского выкормыша» не соблазняли прелести быстрых карьер, материального благоденствия. Он уже твердо знал, что ничто не заменит человеку свободы. Поэтому со стороны его поведение воспринималось неоднозначно, люди просто не понимали, почему, будучи «в шоколаде», молодой человек вдруг резко менял жизнь, работу, место жительства. Скрытая от внешнего внимания логика работала не переставая, подчиняясь ей, клыковский внук оказывался то на юге, то на Крайнем севере, то в Сибири. Везде, где только на грамм было больше свободы. Позже узаконенная на государственном уровне свобода была встречена спокойно, даже без эйфории. Да и она мало напоминала ту, выстраданную детством и всей дальнейшей жизнью.

А когда отшумели пенсионные обмывания, трудные переезды, и он осел в купленном на берегу Кубани доме, в гости к деду приехала внучка Маргарита. Ее поседевший Юрка встретил так, как встречали деда его: со всей широтой и искренностью славянской души, с нескрываемым радушием и любовью. История повторяется! И слава Богу!

«ЗАПОРОЖЕЦ»

Моя мама была энергичной и красивой женщиной. Уму непостижимо, когда она успевала все: руководить на ТЭЦ станцией химической очистки воды, стирать и готовить на трех мужиков, заниматься общественной работой и при этом прекрасно выглядеть. Спрашивается, зачем ей надо было еще и распространять лотерейные билеты? Могла бы передоверить это дело подчиненным, сославшись на занятость. Но ей, оказывается, было интересно продавать эти симпатичные бумажки и смотреть на реакцию людей. Большинство надеялись на удачу, верили немного в чудо. Как дети! Мама вместе с ними испытывала схожие эмоции, но это так, мимоходом. Очень ее удивляла Тамара Баева, покупавшая по 50 штук билетов, причем из разных пачек по какой-то замысловатой схеме.

— Тамарочка, ты же в прошлый раз покупала столько же, но не ничего не выиграла, и снова... — удивлялась пани Лыкова, как звали за глаза маму.

— Тогда просто не повезло, да и система выбора оказалась не той, сейчас будет по-другому, Кузьминична, — уверенно отвечала лаборантка станции химической очистки воды.

Однажды мама заговорщицки сообщила мне, что самый последний билет куплен ею, и у нашей семьи тоже есть шанс прославиться.

В итоге оказалось, что на их большой трудовой коллектив выпал всего один выигрыш, но какой! Автомобиль «запорожец»! Все спрашивали друг у друга номера и серии билета, а конкретное лицо никак не находилось.

Мама тем временем была занята устранением аварии на станции химической очистки воды, где срочные работы велись и ночью. Как только дело сделали, она тут же и заметила ажиотаж вокруг выигрыша и отсутствие счастливого: «Действительно, кто?» И вдруг ее осенило: «У меня же один билет лежит в шкатулке для документов!» Не дождаввшись обеда, помчалась с газетой домой и второпях упала на лестнице, зацепившись каблуком за ступени. Потирая коленку, стала быстро водить пальцем по странице в поисках счастливой серии и номера. Вот он, голубчик! Переведя взгляд на свой единственный билет, обомлела: «Он!» И тут, как любил говорить весельчак А. Аверченко, за-кру-ти-лось...

Мама ходила как именинница, все ее поздравляли, обнимали и жали руки. В квартире теперь постоянно кто-то находился из гостей, на работе также на полную катушку звучал радостный, пусть и немного завистливый хор коллег. Соседи потирали руки и требовали немедленного обмыва события, причем водки просили целый ящик. Отец, «отвечая на запросы трудящихся», уже было собрался в магазин, но мама остановила его, мол, пока машины нет, чего обмывать-то. Но волны ответной реакции населения накатывались и накатывались на лыковские головушки, не знавшие событий подобного масштаба. Мы с братом отбивались от одноклассников в школе, родители — от сослуживцев. Жил тогда народ неплохо, голодные послевоенные годы остались позади, но машины мало кто имел. В общем, о нас в городке говорили, писали в местной «Знаменке», за нас даже думали, кто будет водить это лотерейное авто и кого запишут владельцем. В общем, кино и домино, а не семейная жизнь.

Однако эта жизнь, к счастью, состоит не из одних разговоров. Наступило время ехать за машиной, «запорожцем». В конце 60-х он иронически улыбок не вызывал, даже первая модель под кличкой «Горбатый» всеми уважалась за целый ряд достоинств. Как и следующая — «Ушастый», и наша — ЗАЗ-968 «Мыльница». Была она чуть поменьше, послабей, пошумливей «москвича», но со своими преимуществами: высокой проходимостью, крепостью кузова, автономной печкой. Папа, взяв все дела в свои руки, попросил опытного шофера дядю Гришу помочь с доставкой авто с завода.

Через пару дней в наш уютный двор между двух домов въехала симпатичная машина красного цвета, из которой вышел веселый отец и дядя Гриша. Народ быстро облепил машину, ставшую заочно любимицей всех, и на все лады обсуждал ЗАЗ. Краска сияла на солнце, играли бликами никелированные части, салон пах новизной. Счастливым даже удалось сесть на мягкое сиденье и ощутить себя людьми первого сорта. Праздник!

Вечером на лавочках и столиках двора появилась проставленная выпивка и закуска, и обмывание выигрыша затянулось за полночь. Сегодня представить такую реакцию окружающих людей невозможно, всех заел индивидуализм, а в 1969 году это было вроде карнавала соседей.

На авансцену событий постепенно выдвинулся отец, а мама на время ушла в тень. Бывший военный моряк и фронтовик, а на «гражданке» главный бухгалтер ТЭЦ, Владимир Николаевич развернул бурную дея-

тельность: поступил в автошколу, начал строить первый в поселке энергетиков гараж, запасался бензином и инструментом. Он построил, уменьшился его большой живот, и даже шляпа сидела на его голове симпатичнее. Все шло хорошо, кроме вождения: не та оказалась у ветерана координация. Батяка путал педали сцепления и газа, плохо учитывал в движении габариты легковушки и много чего делал невпопад. В автошколе ему пришлось дважды пересдавать экзамены, после чего с большими трудностями он получил права любителя.

Самый первый выезд за пределы гаража фронтовик превратил в заметное мероприятие. Впрочем, с этого дня все его передвижения на «запорожце» имели немалый резонанс. С грехом пополам вырулив на футбольное поле, старший Лыков начал, как он сообщил зевакам, обкатку автомобиля. Послушать и посмотреть было на что. Тронувшись, машина начала извергать клубы густого дыма и реветь не запорожским голосом, а как самый настоящий грузовик «Зил» или тот же «Урал».

— С чего бы это машина новая, а напрягается, как изношенный агрегат? — рассуждали зрители шумной и дымной обкатки.

Сам же водитель подобными вопросами не задавался, старательно потел, но продолжал давить на газ и совершал по стадиону круг за кругом. Над полем вскоре повисло сизое облако выхлопных газов. Но и оно не остановило новичка. К счастью, на стадион заглянул младший сын Славик, который соображал в технике.

— Тормози, отец! — тревожно замахал руками Славик.

Владимир Николаевич неохотно остановил ЗАЗ. Сын заглянул в салон и увидел поднятый, то есть включенный, ручной тормоз. Это он заставлял так натужно напрягаться двигатель. В салоне сильно пахло тормозными колодками, которые уже начали дымиться. Протянув руку через открытое окно, мальчик нажал кнопку тормоза. Ветеран как-то безучастно отнесся к этому и только спросил: «Можно ехать?»

— Конечно! — засмеялся вихрастый Славик.

Обкатка, но уже в бестормозном режиме, продолжалась, правда, с той минуты ручник практически перестал работать. А вот приключения только начинались.

Первый выезд в город закончился тем, что произошло небольшое столкновение с велосипедистом. Правда, обошлось без травм и поломок — только ссадины и царапины. Отец еще с детства плохо видел, так что носил «сильные» очки. Видимо, это стало причиной и того, что при езде он часто не замечал урны для мусора и сбивал их. Если в машине сидел пассажир, а чаще всего это была супруга, он испытывал стресс при каждом ударе. Мама стала часто нервничать, а иногда случались и истерики. Понять женщину было можно: столько радости пришлось испытать при выигрыше, а тут началась череда волнений, тревог и дорожных конфликтов.

Как-то летом они вдвоем возвращались с рынка и обсуждали тему удобства передвижения на личном авто. Прежде ведь приходилось пользоваться пыльным городским автобусом, томиться в ожидании транспорта на остановках. А тут вжик — и на базаре, вжик — и дома. В это время «запорожец» начал крутой подъем в районе остановки «Спиртзавод», и посередине его мотор вдруг заглох. Завести машину никак не удавалось, пришлось задом сползать вниз. Под не молкнущий вой сигналов других автомобилей. Бедная наша Валентина Кузьминична от переживаний вся извелась, у нее поднялось давление. Мотор же внизу на мосту так-таки

«одумался» и завелся, но поездка была бесповоротно испорчена таким звучным происшествием.

Все родные, каждый на свой лад, пытались объяснить Владимиру Николаевичу нюансы шоферского ремесла: как делать перегазовки, переключение передач, держать дистанцию и т.д. Разумный человек, он, что странно, утратил способность воспринимать простые вещи. Более того, все замечания воспринимал как посягательство на его личный авторитет. В общем, злился и возмущался.

— Ну, а как ему не говорить, если он подолгу едет на одной передаче и перенапрягает движок? — делился с нами Славик.

Брат на все это смотрел со своей колокольни. Как только родители уходили на службу, парнишка шел в гараж, заводил авто и колесил по окрестным дорогам. Надо же всем вскутить лотерейной автомобильной радости! Однажды отец по какой-то надобности рано возвращался домой и увидел на дороге знакомую машину под управлением сына. Разразился скандал, ведь формально брат по возрасту не мог иметь прав, но ездил-то он лучше старшего Лыкова. С того дня пацан уже потерял доступ в гараж и лишь имел счастье наблюдать картину, как почетный шофер-дилетант мучит свою легковушку.

В разгар не совсем удачной обкатки «запорожца» я решил подать документы в Липецкий политехнический институт, и автомобильные коллизии постепенно отошли на второй план. После армии многое из школьной программы позабылось, пришлось сильно попотеть на подготовительных курсах.

Первого августа предстояла сдача экзаменов по математике.

— Сын, чего ты будешь трястись в автобусе, давай я тебя доведу до Липецка, и там мы всей семьей будем болеть за тебя, — предложил отец.

Но меня, вчерашнего солдата, вопросы удобства волновали не очень. Просто я боялся за жизни каждого из нас при таком отцовом рулении. С другой стороны, не хотелось обижать родителя. Второе перевесило.

За день до экзамена мы тронулись в путь. Он выдался тернистым. На загородных трассах у шоферов совсем иная методика вождения. Отец этого не знал и мало кого слушал. Кое-как добрались до Ельца и пересекли мост через речку Сосну. Сзади нас постоянно сигналили рассерженные черепашей скоростью дальнбойщики, а папа все не хотел часто переключать скорости. Наконец мы свернули с дороги на Воронеж и взяли курс на Липецк. Тут движение было небольшое, что нашему капитану очень понравилось. Он даже улыбнулся нам, испуганным пассажирам, а до этого сам не отрывал глаз от дороги и в руль вцепился такой морской хваткой, словно в спасательный круг. Мы уж не знали, что нам делать: радоваться или грустить от такой перемены настроения. Обретая уверенность, отец, не доезжая Дона, решил на сложный маневр — обгон. Впереди еще медленнее нас ехал автобус. Выкатившись на встречку, он надеялся в два счета объехать ЛАЗ. Увы, мощи «запорожца» не хватило. Вся семья потеряла дар речи — навстречу несся огромный грузовик. Кто же нас спас, пропуская легковушку? Сбросил ли скорость водитель автобуса или это был шофер грузовика, мы затрудняемся сказать и сейчас. Очухавшись, мама потребовала немедленной остановки и скомандовала мне сесть за руль. Все члены экипажа вытерли холодный пот со лба, посидели на травке, попили водички, а потом уже без приключений мы добрались до областного центра.

Встреча с родней успокоила нашего «шумахера». За выпивкой страх от неудачного обгона улетучился, а сон укрепил его нервы. Наутро батя вызвался довезти меня до института. Родня дружно его отговаривала, но он был неумолим: «Ведь ради этого ехали!» Уступили и на этот раз и опять прогадали. Подавая назад при выезде со стоянки с открытой дверью, наш незадачливый водитель не заметил выступающий над землей канализационный люк. Об него при движении зацепилась дверь, которую частично вывернуло. Опять начались ругань и разборки, а отец как-то лихо пристроил в проем дверь и сказал, что надо ехать, а то опоздаем на экзамен. Поехали. Но, видимо, нам было не суждено добраться до улицы Зегеля на личном авто. На площади Победы в «запорожце» что-то хлопнуло, он дернулся и надолго затих. Не дожидаясь окончания эпопеи, я прыгнул в трамвай и помчался сдавать математику. А в голове, пока ехал, все стучало в висках: «Не к добру все это!»

Но мистика оказалась надуманной: экзамен я сдал на «хорошо» и успешно поступил в вуз. Потянулись веселые студенческие денечки. Приехав как-то на каникулы в родной дом, я долго и упорно уговаривал маму продать упавший с лотерейного неба автомобиль. Недалеко и до беды с такими зигзагами на дороге. Она держалась молодцом и не хотела расставаться со сказкой. Но отец не стал другим. Как-то припечатал бампером к стенке гаража брата, который руководил заездом. Обошлось! Дважды — правда, без тяжелых последствий — сбивал велосипедистов. Ему в общем-то везло, серьезных травм людям не наносил, а сама машина получала лишь царапины да вмятины. Но это же до поры до времени.

Наконец мама сдалась на мои уговоры. Глава нашего семейства протестовал против продажи микролитражки, но владелицей ее была мама. Желаящих приобрести «легендарную» машину нашлось немало, да и состариться она не успела, как ни старался шофер. Через неделю гараж наш опустел. На вырученные деньги были куплены хорошая мебель и большой телевизор. Их хватило и на организацию двух свадеб — моей и брата.

Лишь одного человека все это не радовало, и вы поняли кого. Папа долго горевал по ЗАЗу. Видимо, сия неказистая машинка сделала его жизнь более яркой, хоть и опасной, как это было на войне в море. Вдруг он начал ярко интересоваться автомобильными новостями, любил рассказывать про свою смелую езду.

Позже появилась возможность повторить автоэпопею. Как хорошего специалиста, его направили на работу в Ливию. За два года бывший фронтовик заработал в Африке много денег и подарил сыновьям по «жигулю». Сам же за руль машины так и не сел. К нашей всеобщей радости!

